

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПАТРИОТЫ И БЮРОКРАТЫ, или ПОЧЕМУ ПАТРИОТЫ ПРОИГРЫВАЮТ

Прежде всего уточним термины. Понятия “бюрократ” и “патриот” широко используются и столь же широко трактуются. Воспользуемся цитатами. Пусть те и другие сами определяют себя.

“Что мне до отечества! Скажите, не в опасности ли государь”, – воскликнул Аракчеев, когда адмирал Шишков говорил ему о спасении армии в 1812 году (Комаровский Е. Ф. Записки. М., 1914).

Перед нами образец бюрократа. Его собеседник – Шишков, известный русофил, свою позицию красноречиво обозначил в диалоге с Кутузовым – в том же 1812 году. Когда армия дошла до Вильно и готовилась вступить в Европу, адмирал убеждал главнокомандующего отказаться от этого шага: “Мы идём единственно для них (немцев. – А. К.), оставшая сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения, с новыми надобностями требовать от ней войск и содержания их” (цит. по: Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж, 2011).

Для тех, кому эти примеры покажутся произвольными, продублирую цитаты. “Мы знаем только одного царя, нам дела нет до России”, – заявил канцлер Нессельроде выдающемуся русскому дипломату Александру Горчакову, гордившемуся тем, что он первым ввёл формулу “Государь и Отечество”. Сменив Нессельроде на посту министра иностранных дел, Горчаков в специальном циркуляре обязал посольских “проводить только национальную политику, не жертвуя интересами России” (Гуськова Е. Ю. Субъективный фактор в истории Балкан и роль А. М. Горчакова в формировании исторических традиций русской дипломатии. – Исторически записки. Подгорица, 1999).

Итак, патриот служит отечеству, бюрократ – власти. И не пытайтесь спекулировать тем, что можно служить им одновременно: бюрократ в лице Аракчеева и Нессельроде от служения отечеству сознательно отстраняется.

В XIX веке высказывались без оглядки на общественное мнение. Это сегодня чиновники наловчились сопрягать “царя и отечество”, хотя по сути недалеко ушли от временщиков минувших столетий. В. Володин: “Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России” (lenta.ru/news/2014/10/22/waldai).

А теперь взглянем поглубже. Патриот самостоятельно размышляет о благе страны и действует соответственно. А это – классическое выражение политики, как её понимал Аристотель. Естественно, не всякий политик – патриот, но патриот, занимающий активную гражданскую позицию, непременно участвует в политическом процессе.

Бюрократ ждёт распоряжений начальства. Политики он сторонится, подозревая в ней непростительное вольнодумство.

Однако история редко показывает тех и других поодиночке – в чистом виде. Она берёт их в охапку, заставляя действовать вместе.

Что из этого выходит, рассмотрим на примере Юрия Ивановича Селезнёва. Я изнутри наблюдал драму, разыгравшуюся в 1981 году, так как был одним из двух сотрудников, принятых им в журнал “Наш современник”.

Первое, что поражало в Селезнёве, – его внешность. Он был красив редкой мужественной красотой. Высокий, подтянутый, с гривой вьющихся волос, он гордо запрокидывал голову и глядел, чуть прикрыв пронзительно-синие глаза. Наверное, так смотрели витязи в степном дозоре.

Красивым и смелым он был и в деятельности. В публицистике – темпераментной, полемичной. Беспощадный к врагам, заботливый и одновременно взыскательный по отношению к друзьям.

И в редакционной работе, где выделялись два неравных периода – в редакции “Жизнь замечательных людей” и в журнале “Наш современник”.

ЖЗЛ традиционно возглавляли люди несчастливые. Сергей Семанов до Селезнёва, Сергей Лыкошин после него. Но именно на селезнёвский период приходится высший взлёт в работе редакции. Он выпускает книги, прославившие серию: “Гоголь” Игоря Золотусского, “Островский” Михаила Лобанова, “Гончаров” Юрия Ложица. В том же ряду книга самого Селезнёва “Достоевский”.

Пересматривалась история литературы (показательна новаторская трактовка Золотусским гоголевских “Выбранных мест из переписки с друзьями”). Пересматривалась русская история. Патриархальность, православие, добродушная обломовская лень – все эти явления, коренные в нашей истории, в оценке авторов меняли знак с отрицательного на положительный.

Для такого пересмотра требовалась отвага. Но не только она. Исследовательской смелости хватало и Ложицу, и Золотусскому, и фронтовику Лобанову. У Селезнёва было нечто большее: смелость политическая. Точнее – смелость политика.

Селезнёв имел широкий политический кругозор. Здесь он превосходил даже своего учителя Вадима Кожинова, широта взглядов которого ограничивалась всё-таки литературой и историософией. Может быть, сознательно – и спасительно – ограничивалась. О политике Вадим Валерианович мог высказываться чрезвычайно резко. Но “не под запись”, а под рюмочку. Я говорю о советском периоде.

Селезнёв в 80-е годы был едва ли не единственным политиком в русском движении. Не случайно пророческие слова о “третьей мировой” сказаны именно им.

Придя в “Наш современник”, Юрий Иванович мечтал превратить его не просто в образцовое издание, избавившись от второстепенных и третьестепенных авторов, которые на страницах журнала соседствовали с Распутиным, Беловым, Астафьевым, Шукшиным, а в орган направления. И больше того – в политический центр, к которому будут стремиться все деятели поднимавшего голову русского движения, а в перспективе и все русские люди.

В “Нашем современнике” Селезнёв проявил свойственную ему смелость. В подборе авторов, сотрудников (отдел прозы он доверил Борису Спорову, имевшему судимость). В формировании номеров. В ноябрьский номер “НС” за 1981 год он поставил сразу несколько “взрывоопасных” материалов (эта история блестяще разобрана Юрием Павловым в статье “Русский витязь на третьей мировой”).

Но главная смелость – его политическое мышление. Смелость быть политиком, едва ли не первым в русском движении за много лет.

Вовлечённость в политику принципиально отличала Селезнёва от многочисленных деятелей т. н. “русской партии”.

Подробнее об этом понятии. Его ввели на Западе бывшие советские диссиденты. В дневниках Сергея Семанова читаем: “Там по этому поводу высказались такие столпы, как Агурский, Синявский, Эткинд, Янов... Мнение их однозначно: “Русская партия” (так они (разрядка моя. – А. К.) именуют круг “Молодой гвардии”) рвалась к власти... Ясно, что это преувеличение, причём очевидное” (Семанов С. “Русский клуб”... М., 2012).

О “преувеличении” и даже об условности термина пишет современный исследователь: “Русской партии, равно как и либеральной, не существовало как единой организационной структуры. И не могло существовать в тогдашних условиях. Русская партия – чисто условное обозначение” (Жучковский А. Г. Русская партия. – rus-istoria.ru/component/kl/item/809-russkaya-partia).

Тем не менее в середине нулевых термин подхватили в России. Либералы (книга Николая Митрохина “Русская партия: движение русских националистов в 1953–1985 годах” (М., 2003). И патриоты, считавшие себя недооценёнными (Байгушев А. Русская партия внутри КПСС. М., 2005).

Те, кто работал в литературе в 80-е годы, знают, какое скромное место занимал в ней – и в патриотическом движении – Александр Байгушев. Чиновник среднего уровня.

Годы спустя он решил взять реванш и в книге воспоминаний создал миф – о русской партии. Методы Байгушева характеризуют упоминания о “русских клубах”, из которых он выводит “русскую партию”. Действительно, группу патриотов-идеологов в Обществе охраны памятников культуры неформально называли “русским клубом”. Воспользовавшись этим, Байгушев говорит о “русских клубах”, создавая иллюзию широкого организованного движения.

Фантазии о “русской партии” охотно используют и либералы. Николай Митрохин зачисляет в неё даже заведомых русофобов! Вопиющий пример – аттестация В. Шауро: “Скрыто сочувствующий русским националистам заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро”.

Но и литературные начальники, такие как С. Михалков, Верченко, Феликс Кузнецов, могут быть названы членами “русской партии” разве что по незнанию. Или с целью ввести в заблуждение.

На самом деле никакой “русской партии”, тем более в партии коммунистической, не было и быть не могло. Если бы таковая возникла или хотя бы только начала оформляться, ее деятельность была бы мгновенно пресечена. Показательно “Ленинградское дело” 1949–1952 годов. Органы безопасности расстреляли А. Кузнецова, секретаря ВКП(б), Н. Вознесенского, председателя Госплана СССР, М. Родионова, председателя Совета Министров РСФСР и других видных деятелей партии и правительства, заподозренных в стремлении создать – нет, не русскую партию – всего лишь компартию РСФСР. О жестокости, с какой проводилось следствие, свидетельствует страшная подробность: 6 человек умерли во время допросов. Репрессиям подверглись около двух тысяч человек. Ради расправы с обвиняемыми в 1950 году была восстановлена смертная казнь, отменённая в СССР после войны (Кузнецевский В. “Ленинградское дело” и русский вопрос. Stoletie.ru).

Тех, кто считает, что к 80-м годам отношение к “русифилам” изменилось, отсылаю к Записке в Политбюро от 28 марта 1981 года шефа госбезопасности Ю. Андропова. Правда, к расстрелам председатель КГБ не призывал, но прямо характеризовал “русифилов” “откровенными врагами советского строя” и указывал, что они куда опаснее, “нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые “правозащитники” (цит. по: Семанов С. Н. Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008).

Но если “русская партия” – выдумка, то можно ли вообще говорить о русском движении? Разумеется. Патриотический настрой проявлялся прежде всего в творческой среде. Имена известны – Распутин, Белов, Солоухин, Глазунов, Клыков, Свиридов, Куняев, Кожин, Селезнёв. К тому же направлению принадлежала часть писательской номенклатуры – Бондарев, Ганичев, Викулов, Алексеев, Иванов, Проскурин. Но им приходилось прикрываться коммунистическими лозунгами. Помню, как Викулов открывал каждый номер “Нашего современника” цитатами из Брежнева и Черненко, а под ними печатал материалы, выбивавшиеся из партийной колеи.

Викулова постоянно одёргивали, но разбавленный партийной ортодоксией патриотизм терпели. Возможно, в среднем и нижнем звене партаппарата нам кто-то сочувствовал (хотя непосредственный куратор “Нашего современника” из ЦК – инструктор отдела культуры Сергей Потёмкин запомнился мне постоянными разносами, которые он устраивал, появляясь в редакции).

Викулов, Алексеев, другие руководители русских журналов действовали на свой страх и риск. Если бы у них были покровители наверху, они бы ими “kozyрнули” в чрезвычайных обстоятельствах — для самозащиты. Покровитель не было!

Опора на собственные силы придавала патриотическому движению характер едва ли не жертвенный. И в то же время она ограничивала поле его деятельности преимущественно сферами культуры и сохранения наследия.

Выходы в актуальную современность в основном сводились к постановке прикладных вопросов: сохранение русского леса, почв, борьба с алкоголизацией населения. Они были важны и животрепещущи (и нам за обращение к ним от того же ЦК влетало). Но оставался табуированным главный вопрос — о национальных интересах, о положении русских в своём отечестве.

Соблюдая баланс между патриотами и либералами, ЦК иной раз поддерживал “русофилов”. Но никакой идеологической, а тем паче политической “самодетельности” не допускал. Характерно: когда Станислав Куняев, воспользовавшись изданием диссидентского альманаха “Метрополь”, попытался выйти на принципиальные обобщения, в ЦК резко отказали ему в поддержке. Куняеву пришлось оставить пост секретаря московской писательской организации. Показательно и то, что Ф. Кузнецов (видный деятель “русской партии”, по классификации Митрохина), возглавлявший столичный СП, не защитил своего зама.

Сам Куняев впоследствии писал: “Нас не устраивали “молодогвардейский” и “октябрьский” кружки, поскольку тот и другой находились под мощным присмотром государственной денационализированной идеологии... Нам же хотелось жить в атмосфере чистого русского воздуха, полного свободы” (Куняев Станислав. Поэзия. Судьба. Россия. В 2-х т. М., 2001).

Вот это стремление к свободе, хотя бы только в “воздухе”, в творческой атмосфере, отличало авторов-патриотов от бюрократов.

Селезнёв попытался расширить рамки “свободы”, перенести её из сферы творчества в сферу политики. В случае успеха его деятельность могла бы стать основой для создания реальной, а не мифической русской партии.

Точнее других охарактеризовал суть деятельности Ю. Селезнёва другой выдающийся представитель русского движения Олег Платонов: он “пытался разбудить пребывающее в летаргии национальное сознание русского народа” (enc-dic.com/word/s/Seleznev-juri-ivanovich-94976.html).

История советского периода, да и наших дней показывает: такие попытки всегда опасны. Особенно опасными они были в 1981 году, когда Селезнёв стал первым заместителем главного редактора журнала “Наш современник”.

Почему? Ответить на этот вопрос тем более важно, что его до сих пор не только не исследовали, но и не задавали.

Годом ранее — в августе-сентябре 1980-го — в Польше, входившей в политическую орбиту СССР, возник профсоюз “Солидарность”. Он выдвигал экономические требования, но вскоре стал политической и идеологической альтернативой местному варианту социализма. Альтернативой, основанной на национализме и католицизме.

Внезапно выяснилось: она чрезвычайно привлекательна. В отличие от “социализма с человеческим лицом” в Чехословакии, вдохновившего в основном творческую интеллигенцию и молодых реформаторов в КПЧ, “Солидарность” сразу же захватила широчайшую аудиторию. В ноябре, спустя всего три месяца после возникновения, профсоюз объединял 7 миллионов членов. Через год в забастовке, объявленной “Солидарностью”, участвовало 13 миллионов человек (Википедия).

Советские идеологи и руководство КГБ увидели в новом явлении серьёзную угрозу не только польскому, но и советскому социализму. Превентивные меры призваны были не допустить подобного в СССР. 28 марта 1981 года шеф КГБ Ю. Андропов направляет в Политбюро Записку: “В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя “русистами”. Под лозунгом защиты русских национальных традиций они занимаются по существу активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами...”

Андропов подчёркивал: “Противник рассматривает этих лиц как силу, способную оживить антиобщественную деятельность в Советском Союзе... Изучение обстановки среди “русистов” показывает, что круг их сторонников расширяется...” Автор записки итожит: “Опасность, прежде всего, состоит в том, что “русизмом”, т. е. демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников истории, за “спасение русской нации”, прикрывают свою подрывную деятельность открытые враги советского строя” (цит. по: Семанов Сергей. Председатель КГБ Ю. Андропов).

С момента появления этого документа, а точнее, с того момента, когда советские руководители осознали опасность национального возрождения, Юрий Селезнёв был обречён.

Обычно, говоря о падении Селезнёва, исследователи ссылаются на зависть его единомышленников в журнале и Союзе писателей. Конечно, зависть была. Работая в журнале, я наблюдал, с какой ревностью следил за деятельностью Селезнёва, к примеру, Владимир Васильев, с самого начала претендовавший на его место и ставший замом после увольнения Юрия Ивановича.

Но было бы ошибкой переносить чувство зависти на руководство Союза. Какую зависть к Селезнёву мог испытывать поэт Егор Исаев? Он был на вершине популярности. Что ему “глухая слава” какого-то критика, занимающего не слишком высокое место в писательской иерархии?

И уж наверняка абсурдно говорить о зависти к Селезнёву фактического главы писательского союза Юрия Бондарева, как это делает А. Разумихин в предисловии к сборнику “Юрий Селезнёв. В мире Достоевского. Слово живое и мёртвое”. Надо знать Юрия Васильевича. Он настолько убеждён в собственной гениальности, что сама мысль о зависти к кому-либо, кроме Толстого и Достоевского, показалась бы ему смешной.

Руководство Союза громило Селезнёва не из зависти, а выполняя партийный заказ. Не случайно на секретариате присутствовал замзавотделом культуры ЦК Альберт Беляев.

И все-таки заказ выполняли чересчур ревностно! Обсуждение больше походило на избивание. Почему? Все-таки зависть? Нет, другое.

Участники секретариата поносили Селезнёва потому, что были бюрократами. Служителями системы.

Правда, в полной мере к бюрократам их не отнесёшь. Тот же Бондарев – автор великолепной военной прозы. Он позволял себе бравировать своей инакостью в бюрократической среде. С какой картинной – прямо печоринской – скукой сживал он в президиуме на заседаниях Верховного Совета. Но ведь сидел! Не отказывался...

А история с Селезнёвым, “втрывившим” людей, поддерживавших “Наш современник”, в политику, причем в политику, идущую вразрез с линией партии, грозила положить конец этому престижному сидению. И вообще привилегированному положению Юрия Васильевича. Тут следовало выбирать – с кем вы, мастера культуры?

Сергей Семанов записал в дневнике: “Как всякий себялюб и славолубец, он наплевал на окружающих, журнал погубил, своих покровителей подвёл” (Семанов С. Н. “Русский клуб”). Это не о Бондареве – о Селезнёве. Бондарев здесь жертва, один из покровителей, которого подвели.

Примечательно, что Семанов вскоре сам пострадает в ходе преследований “русистов”. Что настоящим бюрократом он не был: хранил, к примеру, книжки, изданные за рубежом, и читать давал знакомым – распространял! За что и поплатился отставкой, опалой.

И даже такой человек Селезнёва осуждает. Что говорить о Бондареве и Исаеве, в “стан погибавших”, пусть и “за великое дело любви”, прежде всего любви к родине, попасть не желавших?

Но, осуждая Селезнёва, Семанов признавал его и Кожинова (к публикации которого придрался ЦК) правоту! Всё-таки стопроцентным бюрократом, несмотря на высокий пост главреда популярного журнала “Человек и закон”, Сергей Николаевич не был. Воздух свободы (вспомним Станислава Куняева) манил. “Мы, – пишет Семанов от лица патриотов, – пытались работать вместе с кулачём, не обращая внимания на их тупость... Кожинов при всех своих издержках будит мысль”.

Семанов обозначает проблему, которой посвящён мой доклад: “Вот он, раздел на кулаков и бедняков. Все эти исаевы (именно так – со строчной буквы! – А. К.), доризо, грибовы и шундики – дети комбедов и питомцы совпартишкол”.

Но обратите внимание: как тяжело даются дефиниции автору дневника. А ведь он профессиональный учёный. “Дети комбедов” — это и есть бедняки. Почему же в другом месте Семанов именует чиновников от литературы “кулаками”. Да потому что коммунистическая идеология клеймила именно кулаков! Семанов совершает диковинный выверт: записывает в “кулаки” предполагаемых питомцев комитетов бедноты.

Одна эта деталь показывает, как нелегко было тем, кого манила свобода. Им противостояли не только бюрократы в партии и Союзе писателей — пришлось бороться с духом системы в самих себе.

Почему патриоты изначально не отказались от партнёрства с бюрократами? Отчасти потому, что сами не до конца были свободны от чиновничьей закваски. Но прежде всего потому, что настоящих патриотов мало. Десять человек выступили на секретариате с разностной критикой Селезнёва. Вступился за него один — Пётр Проскурин. Соотношение показательное!

Уточню: узость круга вовсе не свидетельствует о непривлекательности, а тем более ущербности патриотической идеи. Напротив, она — слишком высока для заурядного сознания. Подлинный патриотизм требует самопожертвования.

Патриотизм ставит служение Родине выше личных интересов человека, о чём свидетельствует судьба Юрия Ивановича Селезнёва. Только таким недюжинным людям под силу патриотическое подвижничество. Неудивительно, что избранных немного.

Могут спросить: а как же либералы? Они также взаимодействовали с бюрократами и весьма успешно. Им прощали даже такие “идеологически невыдержанные” акции, как выпуск в 1979 году альманаха “Метрополь”, тут же перепечатанного за границей. Да, молодых участников сборника примерно наказали, вычеркнув из литературы до начала перестройки. Однако либеральный бомонд продолжал публиковаться без особых проблем. А Вознесенский издаёт сборник “Безотчётное” (М., 1981) и в том же году выезжает в творческие командировки в Великобританию и Мексику (высшая форма поощрения — и доверия! — в советский период); Б. Ахмадулина выпускает книгу стихов “Тайна” в 1983 году, а в следующем получает орден “Дружба народов”; у А. Битова выходит книга “Воскресный день” (1980).

Рискуя отвлечься от темы доклада, всё же выскажу два соображения. Во-первых, Агитпроп в 80-е годы относился к либералам терпимее, чем к патриотам. Во-вторых, чиновники, настроенные либерально, шире глядели на идеологическую ситуацию и старались не свирепствовать без особой нужды. Во всяком случае — уточнение необходимо! — по отношению к “идейно близким” литераторам и журналистам.

Показательна история с Яковлевыми — Александром и Егором. Александр, член Политбюро, ближайший сподвижник М. Горбачёва, покровительствовал Егору Яковлеву, главреду “Московских новостей”. В критическом запале журналист обрушился на самого генсека. Горбачёв был взбешён. Вызвал на ковёр обоих. А. Н. публично отрестился от своего однофамильца. Но с должности не снял!

Главный идеолог различал слова и дела. На словах он не просто осудил, а “уничтожил” главреда “Московских новостей”. На деле, сочувствуя, сохранил его на ключевом посту.

Бюрократы-русофилы и действовали, и думали примитивнее. Партийный заказ в отношении Юрия Селезнёва они перевыполнили. Не только сняли с должности заместителя главного редактора журнала “Наш современник”, но и подвергли общественному ostrакизму.

Я был свидетелем возмутительного случая, когда Ю. Прокушев, литературный чиновник, писавший о Есенине и слывший патриотом, потребовал изгнать Юрия Ивановича из президиума литературного вечера. То была постыдная самодеятельность, не связанная с указаниями партийного руководства. Бюрократ от литературы действовал “по велению сердца”, демонстрируя избыточное рвение бюрократам из ЦК.

Если бы патриоты заранее отмежевались от подобных “союзников” и выступили в одиночку, они оказались бы в пугающем меньшинстве. Но то была бы дружина верных. Что лучше — остаться в заведомом меньшинстве или пытаться взять противника числом в союзе с сомнительными единомышленниками?

Трагедия Селезнёва показывает: союз с бюрократами до добра не доводит. Бюрократ предаст — он служит начальству, а не России.